

"Здесь не будет ни религии, ни политики"

1 сентября 2004 года террористы захватили в Беслане школу. На третий день заложники были освобождены. Погибло 336 человек, большинство из которых дети. Спустя шесть лет в Беслане консервируют разрушенную школу, собирают средства на лечение пострадавших и не ждут никакой помощи от российских властей.

"Среди заложников погибли и мусульмане"

Беслан, полдень, переулочек Школьный выводит нас к руинам школы N 1. За шесть лет разрушения стали заметнее. Спортивный зал, где держали заложников и где многие погибли, заклеен фотографиями, детскими рисунками, стихами. В деревянном полу большие черные дыры — там, где 3 сентября взорвались бомбы, висевшие в зале. Черные обугленные балки под крышей как свидетельство страшного пожара. Разрушенное слуховое окно и погнутое баскетбольное кольцо как подтверждение одной из версий заложников о том, что взрывы были спровоцированы выстрелом из соседнего многоэтажного дома, в котором находился спецназ. Огромные окна, через которые 3 сентября 2004 года выпрыгивали измученные жаждой дети и бежали не в укрытия, а к источнику воды — и уже там падали, сраженные перекрестным огнем.

В центре зала большой деревянный крест. Когда его принесли, один из пострадавших вырвал крест из рук священника и вынес во двор. "Здесь не будет ни религии, ни политики!" — сказал он. Но без религии не получилось. Крест оставили. А недавно в городе заговорили, что в школьной столовой, рядом со спортзалом, где в первый день захвата расстреливали людей, а потом спасались заложники, на стене с пулевыми отметинами из разрушенной штукатурки сложился образ. Приехали монахини из Аланского монастыря в Алагире, посмотрели и сказали, что это образ Христа. Теперь сюда снова приходят те, кто старался забыть кошмар шестилетней давности. Религия оказалась востребованной, а для многих стала единственным источником утешения. Может быть, поэтому сразу после теракта в Беслане одна за другой появились разные секты, работающие с пострадавшими вместо психологов.

Сегодня в Беслане построили новую мечеть. Когда-то она здесь уже стояла, но потом ее разрушили и в прошлом году начали восстанавливать. Местные жители говорят, что глава Северной Осетии Теймураз Мамсуров, мусульманин, помогает духовному управлению мусульман решать такие вопросы очень быстро. Однако открыть мечеть жители Беслана не разрешают.

— Ее хотели открыть еще в начале августа, когда начался месяц Рамадан,— говорит член комитета матерей Беслана Рита Сидакова, потерявшая дочь.— Но многие наши пострадавшие не смогли с этим смириться. Люди говорят, что террористы в школе были мусульманами. Они пришли с именем Аллаха на устах, чтобы убивать наших детей. И поэтому после переговоров с нами духовное управление решило выдержать паузу и пока не открывать мечеть.

Аслан Илканов, работавший раньше в духовном управлении мусульман Северной Осетии, несколько лет назад стал частым посетителем комитета матерей Беслана.

— Мы долго его не принимали,— говорит Рита.— Кричали ему, что это его братья убивали наших детей. Но он приходил и приходил, терпеливо, молча, сидел и слушал нас. Он говорил, что это страшное преступление против мусульман тоже. Так мы его приняли. Я думаю, все мусульмане должны быть такими.

Благодаря Аслану в прошлом году во дворе школы впервые разрешили помолиться мусульманам. Они пришли во двор, расстелили коврик и стали читать молитвы.

— Сначала люди очень негативно это восприняли,— говорит председатель комитета матерей Беслана Сусанна Дудиева.— Но потом все поняли, что так нельзя, эти люди скорбят вместе с нами. В школе среди заложников погибли и мусульмане тоже.

"Сохранить зал в том виде, в каком он был 3 сентября"

Власти очень хотели, чтобы о Беслане забыли. Но бывшие заложники и их родственники добивались полного

расследования теракта. Сначала их пытались усмирить, обещая, что дело расследуют и на все вопросы будут даны ответы. Наконец в Осетию прислали заместителя генпрокурора Владимира Колесникова, который возбудил несколько уголовных дел против североосетинских чиновников, давая понять, что многие из них могут пострадать, если бесланские матери не уgomонятся. Видимо, цель была достигнута, и о Беслане перестали говорить.

Как и память о теракте, не должен был сохраниться и этот спортивный зал. Школу собирались снести, матерей убеждали, что так нужно и что она все равно развалится, но те выяснили, что есть технологии, позволяющие сохранять такие здания. И вот спустя шесть лет, когда властям удалось добиться желаемого и о Беслане в России забыли, в школе N 1 начались работы по консервации здания. Для этого привлечена немецкая строительная фирма Knauf Kassel, которая выполняла такого рода заказы в Европе. Строители уже расчистили территорию, убрали кровлю, балки, оконные рамы, оставив только стены. По замыслу авторов проекта школа станет мемориальным музеем: в классы можно будет заходить, как и в спортивный зал.

— Когда немецкие представители приезжали в первый раз, мы им сказали, что хотим сохранить деревянный пол спортзала и обгоревшие балки под потолком,— говорит Сусанна Дудиева.— Сохранить зал в том виде, в каком он был 3 сентября, для нас очень важно.

Чтобы сохранить пол, специалисты предложили ограничить передвижение по нему и через окна проложить мостик над залом — при такой конструкции посетители смогут осматривать зал, проходя сквозь него и не касаясь пола.

Для школы N 1 это очень актуально: она продолжает разрушаться, поскольку в нее приезжает все больше людей из российских и зарубежных городов.

— Стали приезжать школьники из Центральной России и Сибири, их по итогам года поощряют поездкой в Беслан,— говорит Сусанна Дудиева.— Недавно на два часа приезжали школьники из Москвы. Они уходят отсюда потрясенные. Здесь они понимают, что в жизни не всегда светлые дни. Что есть добро и зло. Многие приезжают с семьями. Потом они пишут нам, что отношения в семье после посещения школы стали лучше. Дети становятся другими, они понимают, что жизнь очень хрупкая и надо ценить своих близких.

"Они уже ни во что не верят"

Многие бесланские семьи остро нуждаются в помощи психологов, а иногда и психиатров.

— Все семьи, в которых погиб ребенок, разрушились или живут в тяжелой психологической ситуации,— говорит Рита Сидакова.— Здесь каждая вторая семья проблемная.

— У некоторых детей только сейчас стали проявляться психические расстройства,— поддерживает ее другая пострадавшая — Света, бабушка погибшей Залины Албеговой.

Сусанна Дудиева рассказывает о подростке Вове Озиеве, на глазах у которого в школе погибли мама и брат. После теракта у Вовы начался сахарный диабет, а сейчас ему нужна еще и помощь психиатра. Психологическая помощь нужна и его отцу. "Там вообще в семье очень тяжелая ситуация,— говорит Сусанна.— Мы обратились в клинику Сербского, к профессору Кекелидзе. Надеемся, они помогут".

Эндокринные нарушения, психические расстройства и проблемы со зрением — это сегодня главные проблемы тех, кто выжил в той трагедии. Но лечить их нигде. В Северной Осетии поликлиники и больницы перегружены. А попасть в крупные российские клиники можно только по квотам, которых республика получает очень мало.

В первые годы после теракта сюда пришли Красный Крест и ЮНИСЕФ. От Красного Креста и сегодня работает отделение с тренажерным залом, а от ЮНИСЕФ — центр психологической помощи "Бинонта", где делают массаж и иглоукалывание. Но пострадавшие больше нуждаются в помощи психологов.

— Федеральные власти построили здесь медицинский центр, но там нет детского отделения,— говорит Сусанна Дудиева.— И даже у взрослых, пострадавших от теракта, там долгое время не было никаких привилегий, нужно было ждать своей очереди. Только в этом году мы добились от парламента и Минздрава, чтобы наших пострадавших в этом центре стали обследовать без очереди.

— Разве не было никакой федеральной программы помощи жертвам теракта? — спрашиваю я.

— В том-то и дело, что не было. Была только экстренная помощь в первые месяцы после теракта. И еще Пенсионный фонд РФ выделил 20 млн руб. для потерпевших. На эти деньги в течение двух лет люди ездили в

санатории лечиться. Но там тоже не все было гладко. Санатории эти были не очень хорошими, то воды там не было, то у них отдыхали по квотам жители Ингушетии и Чечни, а нашим людям после теракта это соседство трудно было переносить, вот многие и возвращались на второй день.

В еще более тяжелой ситуации сегодня находятся те, кто был ранен во время штурма и до сих пор пытается выкарабкаться. Если бы у пострадавших было прямое финансирование по линии Минздрава РФ, многие дети и женщины уже могли бы ходить и жить полноценной жизнью. Но такого финансирования нет.

Кроме того, о некоторых пострадавших комитет матерей Беслана узнал только недавно. Марина Дучко была ранена в спину в первые минуты штурма. Ей 31, из них шесть лет она сидит в кресле, и за эти шесть лет она не получала никакой помощи от властей.

— Мы о ней вообще ничего не знали,— говорит Сусанна Дудиева.— Она к нам не обращалась, и только недавно мы случайно узнали, что она в такой тяжелой ситуации. Марина Дучко живет в доме барачного типа, там очень бедно. Они ни к кому не обращаются, потому что уже ни во что не верят. Но судя по медицинским документам, ей можно помочь — в немецких клиниках таких больных поднимают в течение года.

"Главное, что мама жива и дети"

Я еду к Марине Дучко на улицу Мотобаза, что на окраине Беслана. Маленький, заросший деревьями и виноградом двор, однокомнатный домик, в котором давно не было ремонта. Несколько лет назад мама Марины Татьяна, собрав денег, пристроила к домику кухню с ванной, чтобы купать дочь. Татьяна и ее муж пенсионеры, на их попечении кроме больной Марины еще младшая 15-летняя дочь и 13-летний сын Марины.

Бывшая заложница Марина Дучко, в инвалидном кресле, у большого стола, рисует мне схему зала, в котором она находилась с сыном, сестрой и мамой 1 сентября 2004 года.

— Первый взрыв был прямо возле нас, в центре зала,— вспоминает женщина.— Я после него перестала чувствовать свое тело. Когда случился второй взрыв, возле баскетбольного кольца, мама подползла ко мне и говорит: "Вставай". Я ей сказала: "Не могу, спасай детей". Потом я осталась одна, кругом были мертвые, их тела сразу надулись, я не поняла отчего. Иногда кричали раненые. Ко мне подполз террорист и говорит: "Вставай и уходи отсюда". Я ему отвечаю: "Не могу, не чувствую ног". Он перевернул меня на живот и заставил ползти на руках к окну. Наверное, там было безопаснее, не знаю. Он поднимал всех живых и выводил их в столовую. Там в столовой было безопаснее, там никто не погиб. Потом в зал заскочили наши ребята в гражданском, и меня вытащили через тренажерный зал на улицу.

5 сентября на грузовом самолете МЧС Марину отправили в Москву, там, в 37-й горбольнице, ее лечили чуть больше месяца. Потом по путевке соцстраха отправили в подмосковный санаторий, но назвать это лечение серьезным нельзя, потому что Марине прописали только ванны и массаж. Домой она вернулась с медицинским заключением, в котором четко написано: операция ей не нужна, только курсы реабилитации. Но никакой реабилитации она больше не получила. А после курса массажа в местной поликлинике Марине стало хуже, она перестала чувствовать пальцы ног.

Татьяна помогает дочери как может: купает, одевает, заставляет ее делать зарядку. Ради этого в прошлом году, выйдя на пенсию, уволилась с работы. Она бы и раньше уволилась, если бы знала, что она имеет право не работать, ухаживая за дочкой. Поэтому Татьяна с утра до вечера работала на заводе, а Марина пять лет провела в полном одиночестве в этой комнате с большим столом.

Когда Марина приехала из Москвы, ее не было в списке пострадавших. Татьяна с трудом добилась в прокуратуре, чтобы ее дочь оказалась в списках. "На меня смотрели, как будто я им в карман залезла,— говорит Татьяна.— А сейчас думаю: какой толк от этих списков? Когда давали пострадавшим квартиры, нам сказали, что нам не положено, у нас жилплощадь позволяет. Это вот эти наши 33 метра позволяют. Потом из собеса пришли — нам пандус нужен был, у них было наше заявление. Сказали: "Вы стройматериалы заготовьте, а мы пришлем рабочих". А откуда у нас деньги на стройматериалы? Ну я больше и не хожу никуда".

За эти шесть лет Марина стала чувствовать свое тело ниже ребра на целых шесть сантиметров. И когда мать проводит пальцем по стопам ее ног, Марина это тоже чувствует. Татьяна уверена, что, если бы дочерью занялись хорошие специалисты, она бы встала и пошла. "Но такие, как мы, никому не нужны. Государство дает нам один памперс и две пеленки в сутки, даже грудному ребенку нужно больше. Все деньги, что мы получили по ранению, ушли на памперсы".

Татьяна говорит без злости. И у Марины в глазах нет отчаяния. "Главное, что мама жива и дети",— говорит она. И радуется, что сын перестал кричать от страха по ночам.

Автор: Ольга Алленова © Коммерсантъ СТРАНА, РОССИЯ 👁 2448 31.08.2010, 14:16 📌 253

URL: <https://babr24.com/?ADE=88104> Bytes: 12835 / 12799 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Ольга
Алленова.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)